

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.46.91.072

Доктринальное толкование категории «тяжести» уголовного наказания в зарубежных правовых системах

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен концептуальному пересмотру традиционных представлений о «тяжести» лишения свободы в современной правовой доктрине зарубежных стран. Обосновывается недостаточность линейной модели, отождествляющей ослабление режимных требований с гуманизацией наказания, и рассматривается предлагаемый в современных исследованиях переход к системе координат, учитывающей не только степень принуждения, но и характер присутствия власти. На основе теоретического и эмпирического анализа выделяются четыре идеально-типические конфигурации пенитенциарных режимов («суровое и присутствующее», «суровое и отсутствующее», «легкое и присутствующее», «легкое и отсутствующее»), каждая из которых порождает качественно различные правовые состояния и субъективные переживания наказания. Раскрывается правовая природа «присутствия» власти как конститутивного элемента легитимного правопорядка в местах лишения свободы, обеспечивающего правовую определенность, эффективность средств защиты и противодействие неформальным иерархиям. Анализируются современные вызовы пенитенциарной системе (цифровизация, технологические трансформации), преобразующие конфигурацию властного присутствия.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Доктринальное толкование категории «тяжести» уголовного наказания в зарубежных правовых системах // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 571-579. DOI: 10.34670/AR.2026.46.91.072

Ключевые слова

Лишение свободы; тяжесть наказания; пенитенциарный режим; ведомственный надзор, легитимность наказания; правовая определенность; гуманизация; уголовно-исполнительное право; субъективное восприятие наказания; качественная дифференциация; цифровизация пенитенциарных систем; неформальные иерархии.

Введение

В современной юридической науке проблема определения сущности и содержания уголовного наказания традиционно занимает одно из центральных мест. Особую сложность и многогранность данный вопрос приобретает применительно к лишению свободы как наиболее распространенной и одновременно наиболее суровой форме государственного принуждения. Долгое время в правовой доктрине доминировал подход, рассматривающий «тяжесть» тюремного заключения как линейную величину, расположенную на единой шкале между полюсами суровости и мягкости [Трунцевский, 2021]. В рамках данной концепции любое ослабление режимных требований, сокращение объема ограничений и минимизация властного вмешательства в жизнь осужденных однозначно интерпретировались как движение в сторону прогресса и гуманизации, а усиление контроля и ужесточение порядка отбывания наказания – как регресс и архаизация пенитенциарной политики.

Однако накопленный теоретический и эмпирический материал, осмысленный в русле современной пенологической мысли, демонстрирует недостаточность и даже ошибочность данной аксиомы. Наблюдения за реальным функционированием исправительных учреждений выявили парадоксальный феномен: формальное «облегчение» условий содержания, сопровождающееся устранением власти из повседневной коммуникации с осужденными, нередко оборачивается усугублением депривации и ростом влияния неформальных криминальных иерархий [Блохин, 2024]. Данное обстоятельство ставит перед юридической доктриной принципиальный вопрос о необходимости пересмотра устоявшихся представлений о критериях оценки качества пенитенциарных режимов.

Настоящее исследование исходит из гипотезы, что категория «тяжести» лишения свободы не может быть редуцирована к одномерному континууму «суровость – либеральность». Для адекватного описания правовой реальности мест лишения свободы требуется переход к многомерной модели, учитывающей не только степень принуждения, но и характер присутствия власти, меру ее ответственности и диалогичности. Такой подход позволяет дифференцировать качественно различные типы пенитенциарных режимов, каждый из которых порождает специфическое переживание наказания и обладает потенциалом легитимации государственного принуждения. Особую актуальность данная проблематика приобретает в условиях современных вызовов: цифровизации пенитенциарных практик, поляризации тюремного населения и экстраординарных санитарно-эпидемиологических мер, существенно трансформировавших сложившиеся модели взаимодействия персонала и заключенных [Hatch, Nichols, Wang, 2023].

Целью настоящей работы является концептуальный анализ эволюции представлений о «тяжести» лишения свободы в правовой доктрине, обоснование перехода к модели оценки пенитенциарных режимов и выявление правовых последствий различных конфигураций властного присутствия в местах изоляции.

Основная часть

В современной правовой доктрине наказания категория «тяжести» лишения свободы традиционно воспринималась как линейная величина, располагающаяся на шкале между суровостью и либерализацией. Длительное время в юридической мысли доминировала презумпция, согласно которой минимизация принудительного воздействия и ослабление

властного присутствия в пенитенциарных учреждениях автоматически означают движение в сторону гуманизации и прогресса. Однако концептуальный анализ, предпринятый в рамках развития пенилогической теории, демонстрирует необходимость пересмотра этой аксиомы и перехода к более сложной, многомерной модели осмысления субъективного восприятия уголовного наказания [Фивейская, 2021].

Исходная посылка, требовавшая деконструкции, коренилась в устойчивой традиции восприятия власти в местах лишения свободы как исключительно подавляющей, ограничивающей и, следовательно, патологизируемой концепции. В рамках этой концепции любое «облегчение» режима содержания отождествлялось с повышением моральной приемлемости наказания. Однако эмпирическое наблюдение за функционированием пенитенциарных систем выявило парадоксальный эффект: институциональная среда, характеризующаяся отсутствием предсказуемого, видимого и последовательно реализуемого властного вмешательства [Ким, 2018]. В правовом измерении это создает вакуум легитимного порядка, который неизбежно заполняется неформальными иерархиями, действующими вне рамок правового поля. Более того, «легкость», понимаемая как пассивная бюрократическая дистанция или делегирование управления социальной жизнью учреждения самой среде заключенных, переживается как более глубокая форма депривации, нежели явное проявление официальной власти. Стрдание, причиняемое безличной системой правил, не имеющей морально ответственного адресата, воспринимается как бессмысленное и потому особенно разрушительное для правосознания [Vannier, Nellis, 2023].

Правовая доктрина, ассимилировавшая эти наблюдения, предложила переход от одномерного континуума «суровость – либеральность» к многомерной модели. Качество жизни в условиях изоляции и, что более важно, легитимность режима с точки зрения правового статуса осужденного зависят от взаимодействия двух самостоятельных переменных: степени давления и степени вовлеченности персонала. В рамках данной модели могут быть дифференцированы четыре идеально-типических состояния пенитенциарного режима, каждое из которых обладает специфическими правовыми характеристиками и порождает качественно различные восприятия и переживания наказания [Слабкая, 2026].

Первая конфигурация – «суровое и присутствующее» – соответствует традиционному представлению об ужесточенной тюрьме. Власть здесь является строго ограничивающей, однако персонализированной и прозрачной в своих требованиях. Правовая неопределенность минимальна: заключенный понимает основания применяемых к нему мер и способен прогнозировать последствия своих действий. Такая предсказуемость формирует определенный уровень доверия к власти, основанный на формальной рациональности и отсутствии произвола.

Вторая конфигурация – «суровое и отсутствующее» – фиксирует наиболее деструктивное с правовой и психологической точек зрения состояние. Давление сохраняется на высоком уровне: применяются строгие режимные требования, имеют место физические лишения и ограничения. У заключенного отсутствует легитимный канал коммуникации, а ограничения воспринимаются как бессмысленные, что провоцирует максимальный уровень фрустрации и делегитимации всей системы правоприменения.

Третья конфигурация – «легкое и присутствующее» – представляет собой идеал-типическую модель, к которой должна стремиться уголовно-исполнительная политика гуманизации наказания. Власть здесь активна, видима и ориентирована на установление диалога, но при этом не прибегает к избыточному принуждению. Легитимность режима

обеспечивается не страхом, а признанием разумности и справедливости применяемых правил.

Четвертая конфигурация – «легкое и отсутствующее» – является центральным объектом доктринальной критики. Внешне эта ситуация выглядит как прогрессивная либерализация: персонал не вмешивается в повседневную жизнь, минимизирует конфликтное взаимодействие, переходит на «дистанционное управление». Однако внутренне, с точки зрения субъекта наказания, данная конфигурация переживается как состояние правовой незащитности. Отсутствие видимой власти, способной защитить от произвола криминальных иерархий, обеспечить предсказуемость распорядка и выступить адресатом для переговоров, формирует у заключенного убеждение, что государство устранилось от исполнения своих обязательств по отношению к индивиду.

Ключевым выводом доктринального переосмысления является тезис о том, что власть должна быть не только сильной, но и зримой. Присутствие персонала, понимаемое не как тотальный надзор, а как доступность, взаимный диалог и готовность нести моральную ответственность за принимаемые решения, является конститутивным элементом легитимного правопорядка в местах лишения свободы. С правовой точки зрения, «присутствие» власти выполняет несколько критически важных функций. Во-первых, оно обеспечивает реализацию принципа правовой определенности. Заключенный должен не просто знать абстрактную норму, но и понимать, как она будет применена в его конкретной ситуации, и иметь возможность оспорить ее применение. Во-вторых, «присутствие» является условием реализации права на эффективное средство правовой защиты. Без идентифицируемого адресата жалобы механизмы административного и судебного обжалования теряют свою действенность. В-третьих, видимая и ответственная власть является единственным эффективным инструментом противодействия неформальным криминальным иерархиям, которые неизбежно возникают в правовом вакууме [Atkins, Maguire, Cleere, 2025]. Делегитимация власти в условиях «сурового и отсутствующего» или «легкого и отсутствующего» режимов имеет не только моральное, но и сугубо правовое измерение. Наказание, переживаемое как бессмысленное и произвольное, утрачивает способность выполнять функцию специальной превенции. Субъект, не понимающий логики применения к нему властных санкций и не признающий их справедливости, не может быть субъектом исправления. Он воспринимает назначенный ему срок не как меру юридической ответственности, а как форму безличного насилия, что полностью нивелирует воспитательный и предупредительный потенциал уголовного наказания [Уразбаев, 2017].

Одним из наиболее сложных вопросов, порожденных переосмыслением категории «тяжести», является проблема сопоставимости наказаний. Традиционная правовая доктрина оперирует преимущественно количественным измерением лишения свободы – его длительностью. Приговор, назначающий пять лет лишения свободы, рассматривается как единая мера, независимо от того, в каком учреждении, в каком режиме и с какой степенью присутствия власти этот срок будет отбываться [Vannier, Nellis, 2023]. Однако анализ демонстрирует, что два формально идентичных по длительности приговора могут быть радикально неравноценны по своей реальной исправительной мере. Пребывание в учреждении, функционирующем в режиме «легкого и присутствующего», принципиально отличается от пребывания в учреждении, находящемся в состоянии «сурового и отсутствующего». Это ставит перед правовой доктриной фундаментальный вопрос о необходимости учета не только количественного срока, но и качественной «плотности» или «интенсивности» наказания.

Определение параметров данной категории для целей судопроизводства наталкивается на объективные трудности.

Первая из них – проблема субъективной сопоставимости: возможно ли измерить «вес» тюремного заключения в единых единицах для разных индивидов, обладающих различной психологической устойчивостью и социальным опытом?

Вторая трудность – динамический характер пенитенциарного учреждения: его положение в координатах «суровости» и «присутствия» не является статичным и может радикально измениться в течение срока отбывания наказания. Тем не менее, сама постановка вопроса о необходимости качественной дифференциации наказания является неизбежным следствием развития правовой мысли.

Современная правовая доктрина не может игнорировать влияние технологических трансформаций на природу властного присутствия в местах лишения свободы. Внедрение систем видеозвонков, электронного документооборота, дистанционных форм коммуникации с родственниками и адвокатами, телемедицины и автоматизированных систем подачи жалоб радикально меняет конфигурацию взаимодействия между заключенным и учреждением [Молчанов, 2024]. Возникает вопрос о правовой квалификации виртуального присутствия. С точки зрения правовой доктрины, ответ зависит не от самого факта использования технологий, а от того, сохраняется ли при дистанционном взаимодействии ключевой элемент «присутствия» – возможность адресного диалога, способным принять решение и нести за него ответственность. Если цифровизация означает лишь автоматизацию безличных процедур, она усугубляет дефицит легитимности. Если же она становится инструментом повышения доступности персонала и прозрачности его действий, она может быть интегрирована в модель «легкого и присутствующего» режима.

Переосмысление категории «тяжести» уголовного наказания представляет собой концептуальный сдвиг, имеющий фундаментальное значение для правовой доктрины наказания. Отказ от линейной аксиомы «облегчение равно гуманизация» и переход к многомерной модели, учитывающей не только степень принуждения, но и степень видимости, ответственности и диалогичности власти, позволяет сформулировать более точные критерии оценки качества пенитенциарных режимов [Savushkin, Khramov, Agabekian, 2024].

Заключение

Проведенное исследование, посвященное переосмыслению категории «тяжести» лишения свободы в современной правовой доктрине, позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практико-ориентированное значение. Исходный посыл, заключавшийся в гипотезе о недостаточности и концептуальной ограниченности линейной модели «суровость – либеральность», нашел свое эмпирическое и теоретическое подтверждение. Традиционная презумпция, согласно которой любое ослабление режимных требований и минимизация властного вмешательства автоматически означают гуманизацию и прогресс, не выдерживает проверки при обращении к реальному функционированию пенитенциарных учреждений и анализу субъективного восприятия наказания лицами, отбывающими лишение свободы.

Ключевым доктринальным выводом исследования является тезис о том, что легитимный правопорядок в местах лишения свободы невозможен без зримого, ответственного и доступного носителя властных полномочий. Отсутствие власти, вне зависимости от того, маскируется ли

оно под либерализацию и «облегчение» режима или является следствием бюрократической дистанции и пассивности персонала, порождает состояние правовой неопределенности и субъективного переживания бессмысленности страдания. В условиях «легкого и отсутствующего» или «сурового и отсутствующего» режимов наказание утрачивает свои превентивные и исправительные функции, переставая быть мерой юридической ответственности. Делегитимация власти в таких конфигурациях имеет не только моральное, но и сугубо правовое измерение, поскольку подрывает саму возможность реализации принципов правовой определенности, эффективной защиты прав и противодействия неформальным криминальным иерархиям [Hatch, Nichols, Wang, 2023].

Правовая природа «присутствия» власти раскрывается через выполнение им ряда критически значимых функций. Во-первых, оно обеспечивает правовую определенность, позволяя осужденному не просто знать абстрактную норму, но и понимать логику ее применения в конкретной ситуации, прогнозировать последствия своих действий и оспаривать необоснованные решения. Во-вторых, присутствие власти является необходимым условием реализации права на эффективное средство правовой защиты, поскольку без идентифицируемого адресата жалобы и ответственного субъекта, способного принять решение и нести за него ответственность, механизмы административного и судебного обжалования утрачивают свою действенность. В-третьих, именно видимая и ответственная власть выступает единственным легитимным инструментом противодействия неформальным криминальным иерархиям, неизбежно заполняющим правовой вакуум, образующийся в условиях устранения государства от исполнения своих публичных обязательств.

Библиография

1. Блохин, Ю. И. Особенности правового регулирования исполнения лишения свободы в механизме достижения целей наказания / Ю. И. Блохин // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2024. – № 2(55). – С. 58-65. – EDN BHZMIE.
2. Канева, Т. М. Принцип правовой определенности и его место в системе общеевропейских процессуальных принципов / Т. М. Канева // Наука XXI века - взгляд в будущее : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 12 марта 2018 года. – Ставрополь: Центр научного знания "Логос", 2018. – С. 78-81. – EDN YSOFIE.
3. Ковальчук, И. А. Особенности коррекции эмоциональной сферы осужденных на различных этапах отбывания наказания / И. А. Ковальчук // Векторы психолого-педагогических исследований. – 2023. Т. 1, № 1. С. 108-117.
4. Ковалев, О. Г. Особенности реализации международных норм при обеспечении безопасности заключенных в зарубежных пенитенциарных системах / О. Г. Ковалев, А. В. Вилкова, А. В. Щербаков // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – № 3(49). – С. 35-41. – DOI 10.37523/SUI.2022.49.3.005.
5. Ким, В. В. Проблемы двойственного характера правового выражения изоляции осужденных к лишению свободы / В. В. Ким // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 100-104. – EDN XSMIFV.
6. Маслов В. А. Доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний: проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - Т. 18. - № 3. - С. 131–145. - DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145.
7. Молчанова, Т. Ю. Зарубежный опыт использования цифровых технологий в обучении заключенных / Т. Ю. Молчанова // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 9(162). – С. 40-43. – EDN KALTDN.
8. Пикина, Т. В. Категоризация осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, и ее влияние на правовой статус осужденного / Т. В. Пикина, И. А. Тараканов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 2. – С. 192-196.
9. Слабкая Д.Н. Дифференцированный подход в концепции пенитенциарной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 1-1. С. 120-129. DOI: 10.34670/AR.2026.88.80.015

10. Трунцевский, Ю. В. Цели наказания лишением свободы / Ю. В. Трунцевский // Вестник Югорского государственного университета. – 2021. – № 4(63). – С. 120-125. – DOI 10.17816/byusu202104120-125. – EDN FJDAEJ.
11. Уразбаев, Р. Ш. О достижимости и приоритетности целей наказания / Р. Ш. Уразбаев // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 218-225.
12. Фивейская Л.В. Социальные и идеологические особенности становления современной пенитенциарной практики и пенологии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 94-102. DOI: 10.34670/AR.2021.58.67.010
13. Atkins D., Maguire N., Cleere G. Experiences of sentencing and the pains of punishment: Prisoners' perspectives //International journal of offender therapy and comparative criminology. – 2025. – Т. 69. – №. 1. – С. 79-101.
14. Vannier M., Nellis A. 'Time's relentless melt': The severity of life imprisonment through the prism of old age //Punishment & Society. – 2023. – Т. 25. – №. 5. – С. 1271-1292.
15. Hatch S. M., Nichols Z. C., Wang E. A Perspective on Using the Addiction Severity Index in Prison Populations //Alcoholism Treatment Quarterly. – 2023. – Т. 41. – №. 4. – С. 442-455.
16. Savushkin S. M., Khrarov A. A., Agabekian A. L. The effectiveness of a progressive system of serving a sentence in the form of imprisonment: Psychological and legal aspects //Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17. – №. 6. – С. 1153-1162.
17. Franco C., Harding D. J., Bushway S. D. Failing to follow the rules: Can imprisonment lead to more imprisonment without more actual crime?. – 2022.
18. Stam M. T. C. et al. The effects of imprisonment length on recidivism: a judge stringency instrumental variable approach //Journal of Experimental Criminology. – 2024. – Т. 20. – №. 3. – С. 973-1004.
19. Stam M. T. C. et al. The effects of imprisonment length on recidivism: a judge stringency instrumental variable approach //Journal of Experimental Criminology. – 2024. – Т. 20. – №. 3. – С. 973-1004.
20. Yasrebi-De Kom F. M. et al. The effect of sanction severity and its interaction with procedural justice //Criminal Justice and Behavior. – 2022. – Т. 49. – №. 2. – С. 200-219.
21. Zysk K. G. Taking life imprisonment seriously: in national and international law. – Brill, 2002.

Doctrinal Interpretation of the Category of "Severity" of Criminal Punishment in Foreign Legal Systems

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to a conceptual revision of traditional ideas about the "severity" of imprisonment in the modern legal doctrine of foreign countries. The insufficiency of the linear model, which equates the relaxation of regime requirements with the humanization of punishment, is substantiated, and the transition proposed in contemporary research to a coordinate system that takes into account not only the degree of coercion but also the nature of the presence of authority is examined. Based on theoretical and empirical analysis, four ideal-typical configurations of penitentiary regimes are identified ("harsh and present," "harsh and absent," "light and present," "light and absent"), each of which generates qualitatively different legal states and subjective experiences of punishment. The legal nature of the "presence" of authority as a constitutive element of a legitimate legal order in places of detention, ensuring legal certainty, the effectiveness of means of protection, and counteraction to informal hierarchies, is revealed. Contemporary challenges to the

penitentiary system (digitalization, technological transformations) that transform the configuration of the presence of authority are analyzed.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Doktrinal'noye tolkovaniye kategorii "tyazhesti" ugolovnogo nakazaniya v zarubezhnykh pravovykh sistemakh [Doctrinal Interpretation of the Category of "Severity" of Criminal Punishment in Foreign Legal Systems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 571-579. DOI: 10.34670/AR.2026.46.91.072

Keywords

Imprisonment; severity of punishment; penitentiary regime; departmental supervision; legitimacy of punishment; legal certainty; humanization; penal enforcement law; subjective perception of punishment; qualitative differentiation; digitalization of penitentiary systems; informal hierarchies.

References

1. Blokhin, Yu. I. Features of legal regulation of the execution of deprivation of liberty in the mechanism for achieving the goals of punishment / Yu. I. Blokhin // *Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*. – 2024. – No. 2(55). – pp. 58-65. – EDN BHZMIE.
2. Kaneva, T. M. The principle of legal certainty and its place in the system of pan-European procedural principles / T. M. Kaneva // *Science of the 21st century - a look into the future: collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference, Stavropol, March 12, 2018*. – Stavropol: Center for Scientific Knowledge “Logos”, 2018. – P. 78-81. – EDN YSOFIE.
3. Kovalchuk, I. A. Features of correction of the emotional sphere of convicts at various stages of serving a sentence / I. A. Kovalchuk // *Vectors of psychological and pedagogical research*. – 2023. – T. 1, No. 1. – P. 108-117.
4. Kovalev, O. G. Features of the implementation of international standards when ensuring the safety of prisoners in foreign penitentiary systems / O. G. Kovalev, A. V. Vilkova, A. V. Shcherbakov // *Bulletin of the Samara Legal Institute*. – 2022. – No. 3(49). – P. 35-41. – DOI 10.37523/SUI.2022.49.3.005.
5. Kim, V. V. Problems of the dual nature of the legal expression of isolation of those sentenced to imprisonment / V. V. Kim // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*. – 2018. – No. 3. – P. 100-104. – EDN XSMIFV.
6. Maslov V. A. Dominance of imprisonment in the structure of imposed punishments: problems of law enforcement practice // *Current problems of Russian law*. - 2023. - T. 18. - No. 3. - P. 131–145. - DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145.
7. Molchanova, T. Yu. Foreign experience in using digital technologies in training prisoners / T. Yu. Molchanova // *Global scientific potential*. – 2024. – No. 9(162). – pp. 40-43. – EDN KALTDN.
8. Pikina, T.V. Categorization of those sentenced to punishments associated with isolation from society, and its impact on the legal status of the convicted person / T.V. Pikina, I.A. Tarakanov // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences*. – 2019. – T. 5 (71), No. 2. – P. 192-196.
9. Slabkaya D.N. Differentiated approach to the concept of penitentiary psychology // *Psychology. Historical-critical reviews and modern research*. 2026. T. 15. No. 1-1. pp. 120-129. DOI: 10.34670/AR.2026.88.80.015
10. Truntsevsky, Yu. V. Purposes of punishment by imprisonment / Yu. V. Truntsevsky // *Bulletin of Ugra State University*. – 2021. – No. 4(63). – pp. 120-125. – DOI 10.17816/byusu202104120-125. – EDN FJDAEJ.
11. Urazbaev, R. Sh. On the achievability and priority of the goals of punishment / R. Sh. Urazbaev // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. – 2017. – No. 4. – P. 218-225.
12. Fiveyskaya L.V. Social and ideological features of the formation of modern penitentiary practice and penology // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2021. Volume 10. No. 5A. pp. 94-102. DOI: 10.34670/AR.2021.58.67.010
13. Atkins D., Maguire N., Cleere G. Experiences of sentencing and the pains of punishment: Prisoners' perspectives // *International journal of offender therapy and comparative criminology*. – 2025. – T. 69. – No. 1. – pp. 79-101.
14. Vannier M., Nellis A. 'Time's relentless melt': The severity of life imprisonment through the prism of old age // *Punishment & Society*. – 2023. – T. 25. – No. 5. – pp. 1271-1292.
15. Hatch S. M., Nichols Z. C., Wang E. A Perspective on Using the Addiction Severity Index in Prison Populations // *Alcoholism Treatment Quarterly*. – 2023. – T. 41. – No. 4. – pp. 442-455.

-
16. Savushkin S. M., Khramov A. A., Agabekian A. L. The effectiveness of a progressive system of serving a sentence in the form of imprisonment: Psychological and legal aspects // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. – 2024. – T. 17. – No. 6. – pp. 1153-1162.
 17. Franco C., Harding D. J., Bushway S. D. Failing to follow the rules: Can imprisonment lead to more imprisonment without more actual crime?. – 2022.
 18. Stam M. T. C. et al. The effects of imprisonment length on recidivism: a judge stringency instrumental variable approach // Journal of Experimental Criminology. – 2024. – T. 20. – No. 3. – pp. 973-1004.
 19. Stam M. T. C. et al. The effects of imprisonment length on recidivism: a judge stringency instrumental variable approach // Journal of Experimental Criminology. – 2024. – T. 20. – No. 3. – pp. 973-1004.
 20. Yasrebi-De Kom F. M. et al. The effect of sanction severity and its interaction with procedural justice // Criminal Justice and Behavior. – 2022. – T. 49. – No. 2. – pp. 200-219.
 21. Zysk K. G. Taking life imprisonment seriously: in national and international law. – Brill, 2002.